

Люди города

Леонид СИКОРУК

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМОТРИТ НА ЗВЁЗДЫ

В июле этого года премией мэрии Новосибирска «Человек года» в области культуры и искусства был награжден Леонид Леонидович Сикорук, директор детско-юношеского центра «Старая мельница», член Союза кинематографистов, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации «за большой вклад в развитие кинематографического искусства в городе Новосибирске, популяризацию науки и формирование гражданской позиции подрастающего поколения». Это если сказать языком официальным. А если попробовать выразиться по-другому...

Есть в нашей жизни люди, которые одну жизнь проживают как несколько – ради творчества, ради высоких идей. Которые смотрят не только себе под ноги, но и на звёзды. Они, в отличие от многих других, оставляют яркий след в истории, как метеоры в ночном небе.

*Такой человек Сикорук. Любопытно, что его именем даже небольшая планетка названа... **Sikoruk**. И это символично.*

Но оставим и официальный, и высокий штиль, лучше побеседуем живым человеческим языком с самим Леонидом Леонидовичем.

Двадцать третьего июля этого года ему исполнилось семьдесят пять лет, а он полон энергии, замыслов, эмоций. Можно попробовать пройтись вместе с ним по каким-то векам этих семидесяти пяти... Хотя бы приблизительно оценить что-то.

– Леонид Леонидович, есть такая расхожая фраза: всё начинается с детства. Генетика, среда... Станислав Лем, например, мальчишкой строил замки... может,



это и развило в нём какие-то важные качества писателя-фантаста. Расскажите немного о себе: какие семена были заброшены в Вас в детстве, чтобы Вы стали тем, кем стали?

– Я родился в Осинниках – это в Кемеровской области. Совершенно случайно мои родители там оказались, они оба из Новосибирска: мама родилась в Ново-Николаевске в 1909 году, отец приехал с Украины. Тут они познакомились. Был 37 год, когда шли сплошные аресты. Они решили не ждать пока заберут, и поехали по разным городам. Меняли места проживания Убегали от НКВД, проще говоря. Они уже меня ждали... Пожили в Прокопьевске, Улан-Удэ, На полгода уехали в Ленинск-Кузнецкий, в Кузбассе, с тем, чтобы там

всё это переждать. Потом хотели перебраться на Украину. А в это время в 1939 году вышел указ, о котором вы, наверно, ничего не слышали: каждый человек не имел права уволиться и покинуть предприятие, на котором работал; все были закреплены за своими предприятиями. Был такой трест Ленинуголь, отец там конструктором работал. Только в 1947 году ему разрешили перейти в другое место.

Отца звали Леонид Григорьевич Сикорук, мать – Антонина Никифоровна Адрианова. Мой дед, её отец, был известный новониколаевский предприниматель, который, кстати, много жертвовал на образование, библиотеку, довольно большие по тем временам суммы. У меня есть большое подозрение, что новосибирскую обсерваторию при реальном училище строили не без его финансового участия. Дед очень увлекался астрономией: у него был большой цейсовский бинокль, в который он по ночам разглядывал небо. Ну, он не был, как говорится, капитальным любителем, просто нравилось ему это, и всё. Вот таким образом, если говорить о генетике, может быть, это где-то там, хотя я и не думаю, что это генетическое качество – любовь к астрономии. Скорее другое. Мне очень повезло с отцом.

Он был строителем, астрономией и другими науками специально интересовался мало, но очень любил меня, и вообще, у нас детей любили. Я был тогда один, только после войны у меня появился брат Сережа, потом сестра Люба. Несмотря на тяжелое время и то, что работы было много, отец всегда находил минутку-другую, чтобы посидеть со мной. Он был конструктор, у него много бумаги было, карандашей, лезвий, чтобы карандаши подтачивать. И он прижимал бритвочку к столу, дергал – она пищала. Чем короче был кончик, который торчал, тем выше звук. Он наливал в стаканы воду, стучал по ним карандашом, и они звучали как музыкальный инструмент. У нас не было патефона даже, настолько бедно мы жили. Отец брал пластинку, надевал на карандаш, вращал, а рядом держал рупор из бумаги со швейной иглой, и пластинка звучала. И это было очень забавно: скорость неравномерная, звук плавал, но тем не менее всё было слышно. Потом многие эти опыты перешли в «физику для малышей».

Школа у меня не оставила хороших впечатлений. Я учился девять лет, по-

тому что пошел сразу во второй класс. Девять лет, и на этом она кончилась. Были несколько толковых преподавателей, которых я хорошо помню, но в целом школа в моей жизни была абсолютно неинтересным периодом. Самый интересный период для меня – детский сад. Это было во время войны, но потрясающий был садик, очень красивый, музыкальный. Он находился в старом деревянном здании, там работали замечательные воспитатели, очень интересные праздники устраивались, родители в этом принимали участие. Потом яркое впечатление – строительный институт. Совершенно другой колленкор после школы, ну и, конечно, самые богатые впечатления во ВГИКе были, я же строительный не закончил, четыре года отучился и ушел.

– Это слыхом далеко в будущее, мы к этому еще подойдем...

– Самое, может быть, значительное событие, которое у меня в детстве произошло – это когда в 1946 году, мне только исполнилось девять лет, отец принес две линзы положительных, с помощью которых мы вместе сделали подзорную трубу из картона. Потом я пролежал всё лето на крыше нашего дома, разглядывая горизонт в эту трубу. Она была интересна тем, что изображение там было вверх ногами, и по контуру окрашено радужными каемками – хроматическая аберрация, как я потом выяснил. Это было страшно интересно, и мальчишки у меня все пытались выменять трубу на настоящий левой бинокль, но биноклей после войны было много, а труба такая была одна в Ленинске. А потом отец мне сделал такую простенькую оптическую скамью, где эти две линзы вдоль дощечки перемещались, и я подносил к настольной лампе и проецировал на стену изображения. Изображения рисовал на кальке, которой в доме было много.

Позже, к моему десятому дню рождения, отец купил за сто рублей (это тогда были бешеные деньги, примерно как тысяча рублей сегодняшних) проекционный фонарь. Я собирал по всему городу диапозитивы, потом приходили мальчишки, я закрывал окно на кухне, включал проектор и устраивал сеансы. Там ещё были подписи, я их вслух читал. А потом во дворе соорудили небольшой сарайчик из досок, сделали белый экран, – в общем, играл в кино. Конечно, очень большим было это мое увлечение... У нас рабо-

тал летний кинотеатр в Ленинске, почти в центре города, и там была кинобудка, которая во время летних сеансов открывалась, чтоб проветривалось. А мы, мальчишки, стояли, как замороженные, смотрели на эти проекторы, где крутилась пленка, и слышали звук из кинозала – это было потрясающее и очень интересное зрелище. Вот тогда, разглядывая эти аппараты, я подумал, что было бы здорово изобрести такой слайд (диапозитив это называлось), чтобы на нем изображение двигалось. Тогда не нужно было бы крутить эту пленку: вставляешь такой слайд – и люди двигаются. Я не знал, что много лет спустя такие проекторы появятся. Это видеопроектор, куда сигнал подается с проигрывателя. В сущности, там стоит матрица – по сути дела слайд, на который идет телевизионное изображение, и поэтому на экране мы видим то, о чем я в детстве мечтал. Конечно, тогда я не мог даже подумать, что такое может быть. И потом была смешная идея у меня: снять фильм, где бы стоял неподвижно какой-нибудь памятник. Все полтора часа этот памятник стоял бы неподвижно, интересно, смотрели бы люди на это или нет? Ну, странные такие детские фантазии были. Вот таким образом у меня уже в детстве началось увлечение кинематографом.

Кроме того, когда мне исполнилось десять лет, мне подарили книгу Воронцова-Вельяминова, блестящего популяризатора, она называлась «Вселенная». Книга была настолько интересная, что я сел на солнышке в десять часов утра, открыл и к концу дня ее прочел. Я учился в третьем классе, триста страниц за один день... Обгорел на солнце до волдырей, но с тех пор влюбился в астрономию. И вот, получается, уже шестьдесят пять лет я занимаюсь астрономией! Ну, а где астрономия, там и телескопы. Вскоре я купил книгу Димитрова и Бэкера (переводная американская книга) «Телескопы и принадлежности к ним». Многие вещи для мальчика третьего класса были не очень понятны и не очень интересны, так что я в основном разглядывал фотографии телескопов. На одной из фотографий была изображена такая картина: в Спрингфилде строится клуб любителей астрономии, в глубине видно здание клуба, а на первом плане стоят три молодых человека. Они меня потрясли больше, чем этот клуб. Дело в том, что на одном из них была белая рубашка с короткими рука-

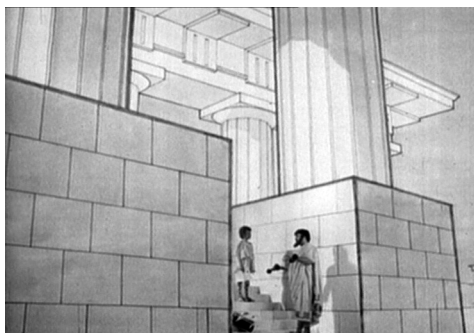
вами и белые брюки! я такого в то время не видел, у нас же было голодное, тяжелое время. А тут такая благодать: белые брюки, короткие рукава. Я тогда подумал: вот когда вырасту большим, то построю себе обсерваторию, куплю белые брюки, рубашку с короткими рукавами и обязательно сфотографируюсь рядом с ней. Я выполнил эту свою мечту спустя почти пятьдесят лет.

Я построил обсерваторию, купил брюки, рубашку, сфотографировался на фоне обсерватории...

А дальше была смешная история. Дело в том, что американский журнал Sky Telescope, поместил статью С.Ю. Масликова, которая называлась «Любительская астрономия в России», куда я специально написал маленький абзац про эту самую историю. Эту статью



случайно прочли ребята из Спрингфилдского клуба (конечно, не те, которые тогда были, а уже новое поколение). Им эта история очень понравилась, и они сразу захотели пригласить меня в Аме-



рику. Дело было в июле 2001 года, и они решили пригласить меня на августовскую сессию. Но в тот момент уже невозможно было успеть приготовить визу, и поэтому они отложили приглашение на следующий год... А через месяц 11 сентября у них случился тот дикий теракт, стало не до меня, и никто меня уже никуда не пригласил. Но не в этом дело, важно, что была вот такая история, детская мечта, которую, в конце концов, мне удалось реализовать. Уже в третьем-четвертом классе, это 1947–1948 годы, я начал покупать очковые линзы в аптеке и делать длинные телескопы в полметра-метр длиной, и тогда я в свой телескоп впервые увидел горы на Луне, спутники Юпитера... ну, много чего из того, что когда-то Галилей открыл. Потом, поскольку я увлекался фотографией, один мальчик из школы мне дал свой фотоаппарат «Фотокор», я поставил его на штатив (дело было зимой), сфотографировал созвездие Ориона и получил на негативе изображение туманности Ориона. Я был потрясен, не ожидал, что за какие-то пять-шесть минут можно получить такую фотографию, а она была достаточно яркая. Негатив у меня, к сожалению, не сохранился, но этот восторг запомнился. Потом я стал строить более серьезные телескопы, шлифовал оптику для них, где-то в девятом-десятом классе построил небольшой телескоп уже с самодельной оптикой. Зеркало было 100 мм в диаметре, я его отшлифовал сам. Не знаю, какая там у меня получилась фигура, хорошая или плохая, но изображения он давал неплохие. Восторг был огромный. Понимаете, восторг, который ребенок испытывает (это я про себя сейчас) – это очень серьезное дело, он остается на всю жизнь. Петр Ильич Чайковский сказал замечательную фразу, которая стоит докторской диссертации: «В детстве человек сплетает золотой клубок впечатлений, который затем распутывает всю жизнь».

– Что ж, вот у Вас этот клубок почти сплетён... А кем Вы мечтали стать тогда?

– Знаете, у меня было много мечтаний. С одной стороны, я хотел стать астрономом, но отец отсоветовал, были на то причины... Потом – оперным певцом, но у меня был обычный детский баритончик, ничего особенного. В пятнадцать-шестнадцать лет я довольно много пел, у меня был хороший учи-

тель пения, Николай Павлович Верховский. В прошлом скрипач, инспектор первых скрипок императорского симфонического оркестра, и за это дело он сидел восемнадцать лет, потом ему запретили возвращаться в Ленинград, где он раньше жил, а разрешили в Ленинск-Кузнецкий. Вот ему в этом не повезло, а мне повезло: потрясающий человек, который был не очень близко, но знаком с Шалапиным, с Рахманиновым – людьми, которых я очень любил, и он много о них рассказывал. Вообще, он обучил меня основам музыкальной грамоты и некоторым другим вещам. Занятия были индивидуальные. Я ему очень благодарен. С другой стороны, еще в раннем детстве мои родители по вечерам часто пели (у мамы и у отца был очень хороший слух). Знаете, так: отец чертит, мать штопает мне штаны, и они вдвоем поют в два голоса, очень хорошо, я до сих пор помню. Пели в основном старинные романсы, некоторые революционные песни, пели они их немножко иронически, но, поскольку мелодии были красивые, то с удовольствием. Украинских песен я с детства наслушался. И особенно много детских песен, еще дореволюционных («Вот лягушка по дорожке скачет, вытянувши ножки...», «Птичка над моим окошком гнездышко для деток вьет» и так далее). И вот у меня музыкальное образование сложилось так: в детстве – это родители, в детском саду – пианистка Валентина Львовна (фамилию не помню), а ближе к старшим классам школы – это Николай Павлович Верховский. Потом я занимался уже сам, и это мне пригодилось позже, когда я стал делать фильмы.

– Вот астрономия, музыкальные какие-то вещи Вас в детстве интересовали. А пошли в строительный. Это влияние отца?

– Да, это отец, конечно.

Но дело и в том, что я очень любил стройку, я до сих пор ее люблю. Собственно, как готовят бетон, как его укладывают в опалубку – я все это видел у отца на стройке. Столярные, плотничьи работы, каменная кладка – это все я знал буквально с дошкольных лет. В младших классах часто болтался на стройке. Дома, когда отец проектировал здания, я видел, как это все делается: фасады, перспективы, интерьеры. Он меня научил основным принципам построения перспективы – все это я умел еще в детстве делать; научил считать



Леонид Григорьевич Сикорук – отец

на логарифмической линейке – это большая редкость, не было ведь никаких компьютеров, даже арифмометров толком не было, вот логарифмическая линейка была, и отец меня научил с ней управляться. Так что я пошел в строительный институт не по принуждению, а потому, что сильно это дело любил. Но знаете, как влип я в этот кинематограф с камерой, которую нашел в строительном институте, – и началось. Мне один человек сказал: «Не берись ты в это, это такое болото – затынет». Но я уже почувствовал вкус к съёмкам.

– Какие это годы? И как назывался институт?

– Сибстрин. В 54 году я поступил туда, в 58-м ушел на телевидение. Мне предложил Вадим Гнедков, один из основателей нашего телевидения, – и я пришел, так и не закончив института. Директором тогда был Григорий Иосифович Казарновский – потрясающий человек. Я две недели ходил и думал, что сказать Казарновскому, когда буду проситься на работу. Наконец придумал. Я пришел и говорю: «Я слышал, вы собираетесь осваивать шестнадцатимиллиметровую пленку». Он отвечает: «Да», а я: «Я могу помочь вам в этом деле». А он говорит: «Чем вы мо-

жете помочь?», и я отвечаю: «У меня есть камера, у меня есть пленка. И самое главное, я могу ее проявлять и монтировать». В то время на телевидении не было ни камер, ни пленки, ни проявочных машин, ничего... Я сделал специальные баки, и в них проявлял: наливал ведро или два ведра проявителя, в один бак, помещал на рамах пленку, потом вынимал – и сразу в фиксаж, даже без промывки (это было нестрашно). Потом поднимался из подвала на первый этаж в туалет, там был душ, открывал холодную воду, под струю воды ставил раму с пленкой, и она у меня промывалась – все было очень хорошо. Потом сушил. Я по ночам все это делал, днем снимал сюжет, ночью проявлял, утром монтировал, а к вечеру сюжет уже шел в эфир. Однажды я поднялся из подвала на первый этаж, включил душ, а там только кипятик, промывать уже нельзя. Что делать? Пленку надо обязательно промывать, иначе она покроется слоем гипосульфита, погибнет. И я выскочил на улицу, там стояли пожарные бочки с водой. Как сейчас помню, я сдул с поверхности воды тополиные пушинки и осторожно опустил туда раму, промыл... Когда утром пришел мой начальник, и я хотел ему заявить с гордостью, что спас пленку, как он спустил на меня полкана, накричал, что я промывал пленку в бочке, из которой поливают цветы. Если бы его не предупредили охранники, что я промывал там пленку, и полили бы цветы, то они бы погибли. Понимаете, он больше думал о цветах! А вообще, он хороший был человек. Через много лет, на одном моем творческом вечере, его жена, Тамара Владимировна, подарила мне маленькую бочечку, на которой было написано H₂O. Она говорит: «Понимаешь, в чем дело?», я говорю: «Понимаю», – все поняли, в чем дело, эту историю все знали. Вот такое у меня было начало на телевидении.

– И отсюда начинается Ваш путь во ВГИК?

– Да, отсюда. На телевидение я поступил в 58-м, не стал сдавать сессию, экзамены в строительном – не было смысла просто. Отец очень переживал, что я хорошую, настоящую мужскую профессию бросил и пошел в кино, которое непонятно чем кончится. Позже он успокоился. Он бывал на телевидении, я ему показывал свои фильмы, и он в принципе остался доволен, видел,

что я занимаюсь серьезным делом. Потихонечку с этим смирился. У меня был замечательный отец.

На телевидении я начинал как оператор. Но не только снимал, но и писал тексты, монтировал, и, в конце концов, выдавал всё это в эфир. Оттуда пошли все мои режиссерские замашки. К шестидесятому году я уже успел снять пару короткометражных художественных фильмов на широкую тридцатипятимиллиметровую плёнку.

В декабре шестидесятого я поступил на заочное отделение операторс-



Л. Сикорук – начинающий кинооператор

кого факультета во ВГИК. Неплохо учился. Первый мой этюд по киноосвещению – фильм «50 долларов», где я был оператором и сорежиссером. Когда фильм посмотрели, мой индивидуальный руководитель, Федор Сергеевич Пятницкий, сказал: «Мы ожидали от вас добротную студенческую работу. А получили работу мастера». Понимаете, это во ВГИКе на третьем курсе...

– Как Вы выбрали – режиссерский или операторский факультет?

– Я пошел на операторский, он связан с техникой, ну, и я подумал, что режиссуру как-нибудь сам одолею потихонечку. И сценарное дело. Хотя до сих пор сценарии для меня – это такая

проблема, такая тяжелая работа... Иногда над трехминутным фильмом думаю полгода. Потому что в три минуты затолкать все, что должно быть в драме, – это тяжело. Гораздо легче написать сценарий для десяти минут, хотя это тоже трудно. Но всё-таки проще, чем трехминутный сценарий, чтобы он отвечал всем требованиям, которые предъявляются к сценарию такого рода.

– Что дал Вам ВГИК?

Прежде всего, он мне дал ощущение моей нужности, я понял, что я чего-то стою как кинематографист. Правда, у меня была там громкая, скандальная история... В качестве сценариста, режиссера и оператора я снял документальный фильм «Аудитория 312» о студентах-архитекторах и показал его во ВГИКе по курсу кинокомпозиции. Но беда была в том, что он был посвящен тому, что у архитекторов в Советском Союзе отсутствует свобода творчества, что общественные и административные работники (имелась в виду партия) занимаются градостроительными проблемами, а ничего в этом не смыслят, понимаете? Это в 66-м году!.. Ну и устроили мне такой разнос... Такой стоял крик, я защищался минут сорок, если не больше. Кричали в основном, не было нормального разговора: орали на меня, я орал на них, защищая свою позицию. Потом мне один студент сказал: «Ты чего приехал сюда, получать диплом или искать правду?» Ну, что тут ответишь. И то и другое хотелось бы, но не получилось с правдой. И знаете, мне крупно повезло, потому что меня предполагали отчислить за этот фильм с формулировкой «профнепригодность по идеологии». Это был бы волчий билет на всю жизнь, понимаете? Но Александр Григорьевич Симонов, был там у нас один педагог, меня спас, он сказал: «Товарищи, что мы его бьем как сценариста? Он плохой сценарист. Что мы его бьем как режиссера? Он плохой режиссер. Давайте его бить как оператора». Ну и на радостях переключились с идеологии на операторские дела, и поставили, короче говоря, двойку за этот фильм. И я приехал в Новосибирск очень расстроенный, а меня встречают ребята, поздравляют. Я решил, что они иронизируют, говорю: «С чем? Что случилось?» – «Тебя приняли в Союз кинематографистов». А Союз был в то время очень левый, оппозиционный, и они собирали таких ребят к себе под крылышко, и только благода-

ря тому, что кто-то из них во ВГИКе присутствовал на просмотре (забыл, кто), приняли меня в Союз. Я оказался первым человеком на нашем телевидении, которого они приняли: было пятнадцать заявлений, а выбрали одного меня благодаря этому фильму. Двойка, и приняли в Союз. А потом, буквально спустя два-три месяца, про этот фильм написали «Советская культура», «Советское радио и телевидение», «РТ» (был такой журнал, вроде «Советского Экрана», только посвященный телевидению и радио). Там вышли три замечательных, очень добрых статьи, ничего не было про мою идею с несвободой творчества (там оценивалась новая для того времени форма документального кино). То есть, понимаете, получилось так: с одной стороны, мне досталось, с другой стороны, приняли в Союз кинематографистов, и центральная пресса откликнулась положительно на фильм. В общем, я воспрянул духом, но после этого шесть лет ничего не снимал, мне не давали снимать. А фильм потом сожгли, на всякий случай. Так что сейчас о нем можно только рассказывать, посмотреть его уже нельзя.

– А у кого Вы во ВГИКе учились?

– Это была творческая мастерская оператора Павла Алексеевича Ногина. Потом он выпустил замечательную книгу, «Киносъёмочная оптика». С ним была смешная история во ВГИКе. Когда я учился, у него еще книги этой не было, и он сделал наспех такую маленькую методичку. И, когда я готовился к экзаменам, я ее прочел и нашел там две ошибки, принципиальных, не орфографических, а по сути дела. И на консультации я подошел к нему и сказал: «Павел Алексеевич, в вашей методичке есть две ошибки». Он говорит: «Какие?» – я ему показал. Подошел к доске, доказал ему, что он не прав, и он говорит: «Ну, знаете, я в спешке делал, прозевал». А ребята мне говорят: «С ума сошел, завтра экзамен, а ты нашел, когда искать правду». Но потом было смешно, я пришел на экзамен, и он как начал меня гонять... весь курс отвечал обычно десять-пятнадцать минут, а я отвечал сорок пять. Все уже заглядывают, решили, что я плаваю, шепчут, чтобы подсказать: «Что за вопросы?», но я, мол, не надо ничего. Мы с ним проговорили сорок пять минут, он сказал в конце: «Хитрый вы мужик» – поставил мне пять, и с этим я ушел. Хороший он был человек и остроумный.

Знакомство с ним началось с того, что он нас, поступивших (небольшая такая группа заочников, человек 25-30), собрал в большом зале во ВГИКе, поздравил с поступлением на заочное отделение и добавил: «Вот я – язвенник, у меня язва желудка. Но никогда в жизни не лягу на стол к хирургу, который окончил мединститут заочно». Но никто на него не обиделся, у нас, заочников, было большое преимущество. В то время во ВГИКе не было еще своей киностудии, и поэтому ради каждой курсовой работы мастеру приходилось создавать со студиями документальных фильмов, киностудией Горького, ну и так далее, чтобы человеку дали возможность снять что-то. И вот они очень редко, время от времени что-нибудь снимали. Я даже видел дипломную работу человека, сделанную на фотографии, не фильм, а именно фотографии. А мы, заочники, уже снимали непрерывно, очень много, нас давили, мол, давай, давай, еще, еще, еще! Так что, в отличие от очников, мы имели очень хороший опыт. Ну, а теоретическое – уж как получалось: кто хотел – тот получал, кто не хотел – тот не получал.

– Те шесть лет, когда Вам не давали снимать, – чем Вы занимались? И вот детское – астрономия, физика – это вынужденное было обращение? Как Вы к этому пришли?

– Я пришел к этому совершенно органично, естественным путем. Вообще, знаете, еще до того, как я снял этот фильм про архитекторов, я понял, что снимать в Советском Союзе документальное кино бессмысленно по трем причинам. Во-первых, безобразно тяжелая техника: камера весила восемьдесят килограммов, магнитофон примерно килограммов шестьдесят, два мужика все это приносили, ставили. Микрофоны были размером с кастрюлю. Ну, и так далее. Ставишь такую камеру, а профессор, зав. кафедрой теряется перед ней. На лекции, пожалуйста, говорит, сколько хочешь, а перед камерой теряется. И добиться от него какой-нибудь сокровенной мысли было просто невозможно. Во-вторых, люди были затюканные все. Сейчас любая старушка, встретить ее на улице, скажет всё: и про президента, и про дворников, которые не метут двор, и про кого хочешь. И фильм-то мой почему понравился прессе: он был сделан в жанре документальной драмы. То есть как драма-

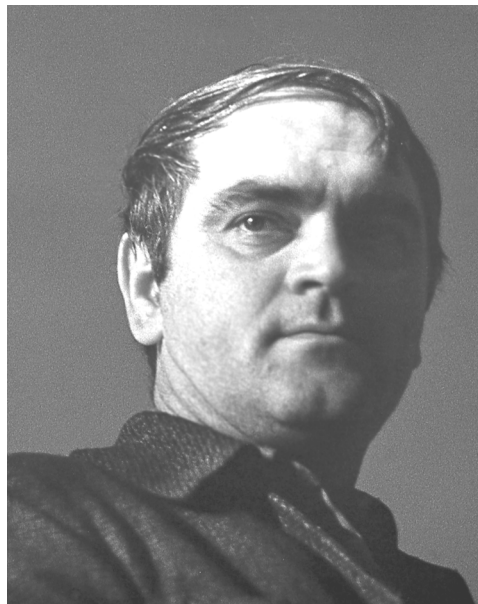
тическое произведение, без закадрового текста, события развивались как бы сами по себе, то есть я не виден на экране. Документ полный, никаких там инсценировок, никаких подтасовок. Конечно, он уступал по качеству хорошим художественным фильмам, там ведь актеры, а здесь обычные люди. Третья причина, почему было бессмысленно заниматься документальным кино в СССР, – это полное отсутствие свободы слова: ты не можешь говорить то, что ты хочешь говорить, а то, что нужно говорить, ты говоришь не хочешь, и поэтому спрашивается – а зачем насиловать себя? Я решил, всё, никогда в жизни не буду снимать документальное кино. Я не знал, что падет коммунизм, появятся видеокамеры легкие, карманные, когда люди будут совершенно свободно себя чувствовать, – я в то время об этом даже не мечтал. Поэтому я сидел и думал, чем мне заняться. Мне не давали снимать, а снимать мне очень хотелось... Я придумал в общей сложности тринадцать заявок на фильмы. Из них была, например, одна на документальную комедию: о том, как люди собирают деньги на приобретение очень дорогого телескопа для детской обсерватории. Они будут ездить по деревням, давать концерты, петь всякую чушь собачью, чтобы продемонстрировать, насколько низкий художественный вкус у нашего населения. Ковры станут продавать по триста рублей штука. Тогда на базарах продавались «картины без рам» с таким, например, сюжетом: казак с казачкой прощаются, конь стоит рядом, сзади пруд, в котором плавают лебеди, и из кустов выглядывает тигр обязательно. Конечно, мне никто ничего не дал сделать. Боялись, что я опять там чего-нибудь наговорю... Мы в это время жили в Академгородке, у меня родилась дочка, и я купил для неё в городе книжечку «День на природе» с песенками «Зайки серые сидят, ушки длинные торчат, вот такие ушки, ушки на макушке», «Кап-кап, дождик по дорожке, ловят дети эти капли, выставив ладошки». Ехал домой и думал: хорошо бы снять для детей несколько музыкальных роликов (а то для малышек ничего не делалось) с песенкой про зайцев, про дождик. Я вспомнил «Пароходик» из детского сада: «Пароходик-пароход, возишь разный ты народ, ты возьми нас туда, где ни снега, ни льда, где ни выюги, ни метели не шумят никогда». А потом, уже подъез-

жая к дому, я подумал, что хорошо бы еще рассказать, зачем зайцу длинные уши, почему идет дождь, почему тяжелый железный пароход плавает, а лёгонький грузик тонет, и тут же родилось название: «Физика для малышей». И тогда я начал пробовать эту идею (дело было в 64-м году). Глухая стена: никто ничего слышать про это не хочет. «Зачем детям забивать голову физикой, они еще намучатся с ней в школе!»... Я на это дело смотрел, смотрел, и как-то во время командировки в Москву зашел к главному редактору управления местного телерадиовещания (сокращённо – ГУМТР) Виталию Филипповичу Назарову. Показал эти сценарии, и он говорит: «Действительно, а почему бы не сделать для малышей серии таких фильмов. Только знаете, поскольку это для малышей, вам надо получить одобрение либо в Министерстве просвещения, либо в Академии Педагогических Наук СССР». И я подумал: «к чиновникам не пойду», – пошел в Академию. Без всяких предварительных звонков, писем, рекомендаций зашел к вице-президенту Академии педагогических наук СССР Виктору Геннадьевичу Зубову, физику по образованию и изложил ему свою идею. А он тянет с ответом... Ну, естественно: «пришел с улицы человек и просит, чтобы ни с того ни с сего ему дали деньги на большую серию фильмов» – и он не знает, что мне сказать. Чувствую, хочет меня как-то отфутболить... И вдруг звонок. Зубов начинает с кем-то говорить по телефону, и у него проскакивает: «Да вот, у меня недавно состоялся Всесоюзный семинар лучших учителей физики, если бы ты знал, какие это дубы! Я им подбросил свою «подлянку», и никто ее не решил». А собеседник, видимо, спросил, что за подлянка, и Зубов отвечает: «Представь себе, положительная линза, а в фокусе спичка, но не перпендикулярно к оси, а наклонно...» И я думаю: гениальная задача, потому что получается – два изображения: одно с одной стороны линзы, другое с противоположной. Одно перевернутое, а другое прямое. Одно действительное, другое мнимое. Я в детстве любил рассматривать карандаш, приставив его острым концом с самой лупе. У меня до сих пор перед глазами стоит это изображение. Хорошо помню, как резкое изображение переходило в нерезкость. И я взял, быстро эту задачу решил. И когда он закончил разговор, я говорю: «Виктор Генна-

дьевич, ваша задача вот так решалась?» Он посмотрел и спрашивает: «Что я для вас должен сделать?» И все! Вот так эта задача решила мою судьбу. Если бы она была не по оптике, а по механике, я мог бы и не решить. И тогда бы никакой «Физики для малышей», никакой «Астрономии», «Старой Мельницы» – ничего этого бы не было. Вот такую задачу, случайный звонок, подарило мне providение.

– Вы рассказали, как «Физика для малышей» появилась. А теперь попробуйте рассказать её историю от тех дней, как она шла у Вас триумфально, и чем это все закончилось.

– В 70-м в январе начались съемки, и почти одновременно она стала выходить в эфир, она пять лет шла в эфир в Новосибирске. А по центральному телевидению – четверть века. Она шла с большим успехом, дети охотно писали нам письма, то есть весь город занимался «физикой для малышей». Даже студенты занимались. Говорят, это была



Начинающий кинорежиссер

любимая передача Андрея Михайловича Будкера, директора института ядерной физики. Была потрясающая пресса, центральная, наша новосибирская. Странная вещь, письма писали очень многие кандидаты наук. Передача шла по всей стране: прилетаешь в Хабаровск, сидишь в аэропорту, включено телевидение, смотришь, там идет «Фи-

зика для малышей»; приезжаем в Алма-Ату снимать, просыпаюсь, слышу программу передач, в восемнадцать часов передача «Физика для малышей». Когда один наш оператор Женя Огибенин переехал с семьёй в Киев, его сын зашел в класс и там все заорали: «Физика для малышей!» – его с ходу узнали, Лёня снимался в «Физике». То есть вся страна нас знала. Кандидаты наук технических, физико-математических, интересовались ей, давали нам советы. А потом ни с того ни с сего одна девочка-помреж сказала на планерке: «Физика для малышей»? Это вчерашний день». И как-то тогда все очень легко согласились: «Да, вчерашний» – хлоп, и закрыли её, несмотря на море детских писем, на прекрасную прессу. Несмотря даже на выход в Москве книги «Физика для малышей», даже на тот факт, что «Физику» купила 71 страна. Откровенно говоря, я как-то спокойно отнесся к этому – впереди были новые планы, «геометрия» и «астрономия» для детей. А насчёт «вчерашнего дня»... В начале июня 2012 года я был в новом планетарии, зашел в буфет перекусить. И тут слышу: «Леонид Леонидович, это вы вели «Физику для малышей»?». Женщина, буфетчицей работает, ей сорок восемь лет, она смотрела в детстве эту передачу, сорок лет назад ей было восемь, а она имя и отчество помнит. Зовут эту женщину Екатерина Николаевна. Между прочим, секретаря В. Г. - Зубова тоже звали Екатерина Николаевна. Милиционер, спрашиваешь на улице, подскажите, как пройти туда-то, а он в ответ: «Это вы вели передачу «Физика для малышей»?». Таксисты меня вспоминали. Некоторые мои бывшие зрители стали педагогами, среди моих зрителей есть даже сотрудники Главного управления образования мэрии. В хлебном магазине узнают, в троллейбусах, где-то еще... И я думаю, ничего себе, «вчерашний день» – сорок лет спустя передачу помнят. В действительности, это был «завтрашний день» нашего телевидения, если говорить на эту тему серьезно.

Ну, раз она «вчерашний день», я подступил к «Астрономии для малышей», давно хотел. После успеха «Физики» я не сомневался, что мне дадут «Астрономию», я как-то всегда верил в то, что мне дадут сделать то, что я хочу. Но было серьезное препятствие. Оно заключалось в том, что в «Физике для малышей» задача была спровоцировать

ребенка на собственные эксперименты, самостоятельные наблюдения, фильм должен «спровоцировать» ребенка на самостоятельный творческий акт... и всё у зрителя было под рукой: катушки, нитки, палочки, ножницы, бумажки, клей... А в «Астрономии», чтобы увидеть горы на Луне, чтобы увидеть спутники Юпитера или пятна на Солнце, нужен телескоп, который увеличивает хотя бы в сто – сто пятьдесят крат. А телескопов для любителей астрономии, шаром покати, их не было нигде, в Советском Союзе ничего такого не делалось. Но тут вышло постановление ЦК о том, что военные заводы должны завести у себя цеха по производству товаров народного потребления. И я подумал, телескопы – это ведь товары народного потребления, да? Пришел на наш приборостроительный завод имени Ленина, рассказал им идею, она понравилась. И вот когда они выпустили «Алькор», самый маленький, для детей, по стране прошел слух, что в Новосибирске делают телескопы.

Пришлось расширять производство, и телескопы стали делать тысячами штук, десятками тысяч. Потом более серьезные пошли телескопы... Знаете, очень приятно было, когда мне прислали ксерокопию журнала «Орбит», это журнал Королевского Астрономического Общества Канады. И вот там пишут восторженную статью про мой «Мицар», который я проектировал (первые пять моделей я проектировал полностью сам), что он в своем классе вне конкуренции, очень недорогой, с очень хорошим качеством. Для меня задача была цену снизить, потому что, когда я их проектировал, я все время думал об одинокой учительнице или о какой-нибудь женщине-враче, у которой есть сын, и нужно сделать так, чтобы ей хватало денег на то, чтобы купить телескоп сыну и еще какие-нибудь ботинки. Потом в таком же духе писали об «Альтаире» писали Sky Telescope, американский журнал, и английские Astronomy Now («Астрономия сегодня») и Practical Astronomy («Практическая астрономия»). Ну, и «Земля



Телескоп «Мицар» и Вселенная, и «На-

ука и жизнь» наши писали, конечно, об этих телескопах.

– **Какова была судьба «Астрономии», «Геометрии для малышей»?**

– Судьба довольно странная. Я сначала решил подождать, пока страна будет снабжена телескопами, и запустил фильмы не с «Астрономией», а с «Геометрией». В Москве обе передачи шли каждую неделю: их включили в «Детский час», который показывался в 10 часов утра по московскому времени. В Новосибирске «Геометрия» прошла один раз за 10 лет, и «Астрономия» была показана тоже только один раз. Я спрашивал: «Ребята, ну как же так? Делаем фильмы, и на кой черт мы их делаем?» – а они говорят, по Москве ведь идут, зачем лишний раз показывать здесь... А «физику для малышей» в последний раз на центральном канале я видел в 1996-м году, то есть двадцать шесть лет они шли в эфир.

– **Леонид Леонидович, кстати, расскажите историю о том, как Вы благодаря «Физике для малышей» стали миллионером.**

– Я сделал двадцать частей (одна часть в кино – это 10 минут). Одна часть по международным стандартам стоит семьсот долларов при покупке. Из них 5 % идет автору сценария и 5% режиссёру, итого 10 % от суммы продажи. Если мы умножим семьдесят одну страну, куда её продали, на двадцать частей, то получается десять миллионов долларов, грубо говоря, то есть 10 % автору и режиссеру – это один миллион долларов. Это 1973–1974 год. Доллар тогда был раза в четыре дороже, чем теперь. То есть виртуальным миллионером я стал, а реальным – нет. Иногда я пересчитываю эти виртуальные доллары во сне (смеётся). В самом деле, если бы я получил эти деньги, я бы не ходил, не кланчил у всех деньги на содержание «Мельницы». Это же тридцать миллионов рублей было бы нынче.

– **А сейчас Ваше наследие для малышей где?**

– Хранится здесь в «Старой мельнице», никому не нужное. Открылся планетарий, я специально спроектировал там киностудию и телевизионный канал, чтобы иметь возможность снимать познавательные фильмы для детей не в нашем крошечном павильончике, а там, в хорошо подготовленном павильоне. И знаете, что мне пишут? Письмо получил буквально вчера из департамента

образования. Мне пишут, что создание кинофильмов и телевизионных каналов вне компетенции Управления образования. Но уже лет пятнадцать федеральное Министерство образования требует от всех, чтобы на местах организовывали дистанционное дополнительное образование, при помощи телевидения, а «Мельница» занимается именно этим вот уже 22 года.

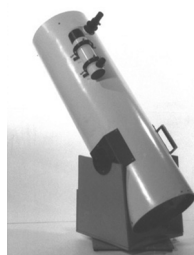
1 июня 2012 года вышел указ Президента о поддержке детских учреждений. Пункт 6 этого Указа требует «оказывать государственную поддержку кино- и телестудий, работающих для детей». Мы вместе с начальником департамента информатизации и связи В. Н. Шибановым рассчитываем устроить в киностудии планетария настоящий детский познавательный, просветительский канал для детей. Так как я всегда в ходе проектирования планетария считал, что это будет важнейший центр популяризации науки и современные виды связи позволят детям самых удаленных уголков города и области стать сопричастными к тому, что происходит на Ключ-Камышенском плато. По-моему очень трезвая мысль.

– Леонид Леонидович, давайте о планетарии чуть позже... Расскажите, как родилась и развивалась «Старая Мельница»?

– «Мельница» родилась очень просто. Я в конце восьмидесятых – начале девяностых работал на Западносибирской киностудии, делал там фильмы для детей, о музыке, о физике. И поскольку там были кое-какие организационные сложности, я решил создать свое предприятие. Это был большой риск, потому что всё начиналось на пустом месте, никаких денег. На первые пятьдесят рублей я открыл счет в банке. Это были мои личные деньги. Наша задача была снимать познавательные фильмы для детей и делать телескопы. Моё предприятие называлось «Старая Мельница», почему так – не знаю, может из-за любимого мной в детстве мультфильма Диснея с одноименным названием?... Потом мы с Александром Ивановичем Плитченко, главным редактором новосибирского филиала издательства «Детская литература», сделали газету «Старая Мельница», выпустили два номера с «периодичностью» один номер в год. Это были хорошие цветные газетки, но мы оба быстро поняли, что у нас нет сил и

времени серьезно заниматься газетой. Поэтому нашли замечательную женщину Е. В. Климову, которая занялась этим, и газета много лет выходила как «вкладка» в «Вечерний Новосибирск». В небольшой мастерской мы делали телескопы, в основном, как ни странно, для Японии, они очень хорошо шли там.

В общем, на это мы и существовали. Мне очень помогал в то время И. И. Индинок, мэр города, деньги были небольшие, сто – сто пятьдесят тысяч, тем не менее, он помогал. Потом ударил кризис 90-х годов. Последняя передача, которую поддержал мэр города в 1993-м году, была посвящена столетию Новосибирска. На этом деньги кончились. Нам нужно было переходить либо в криминал, что делали многие частники, либо... Я выбрал «либо» и поэтому пошел в областное управление образования, где договорился с начальником управления, великолепным человеком и специалистом Г. В. Борисовым о создании школы-студии детской кинематографии. Перед уходом на пенсию он сказал мне: «Давайте позовем Володю». А «Володя» – это был его любимец и ученик Владимир Викторович Иванов, в то время начальник городского управления образования. – «Давайте с ним поговорим, пусть он забирает вас к себе». Пригласил Иванова, сели мы втроем, поговорили. Иванов всё понял, и мы перешли сюда, в наше нынешнее помещение. Тогдашний мэр, Виктор Александрович Толоконский тоже очень помог. Потом он был избран губернатором, и Иванов ушел с ним в областное управление образования. Для телевизионного производства постоянно нужны деньги. Где я их брал? Первые деньги мне дал фонд Сороса – 100 тыс. долларов. Пятьдесят тысяч ушло на ВЕТАСАМ, это было самое современное оборудование по тем временам. Только на ГТРК было такое, больше ни у кого в Новосибирске. Еще – пятьдесят на то, что мы называем «суматохой», ну там на семинары, ролевые игры и всё такое. Потом я получил грант нашего Министерства по делам печати, телерадиовещания, средств массовых коммуникаций. Они



Телескоп «Алькор»

дали мне шестьсот двадцать тысяч рублей на серию «Мир вокруг нас». А тут, знаете, в помещении ремонт идет, павильона толком нет. Как мы снимали это – до сих пор загадка. Но сделали эту серию, она произвела хорошее впечатление. Отправили в министерство, позвонил, спросил, как у них впечатления. Они сказали: «В России никто ничего подобного не делает». Кстати, и до сих пор не делают. Фильмы, которые делаю я, практически никто сейчас не делает. Научно-художественные фильмы в игровой форме для детей, я считаю, – это очень правильно. Сказка, рассказ, кинорассказ, киносказка ребенку ближе, чем самые замечательные кинолекции. Ребенку обязательно нужно вникнуть в суть происходящего, ему нужно соотнести, отождествить себя с героем, и тогда он начинает переживать события на экране, как свои собственные. А нам это и надо, чтобы спровоцировать его на самостоятельный творческий акт.

Регулярная передача у нас выходила до недавнего времени – «Старая Мельница». Она была с уклоном познавательным, наши режиссеры мало интересуются наукой, им это не близко. А я слежу за тем, чтобы хоть какой-то познавательный элемент был. Вообще, с того момента, как началась моя деятельность в «Старой мельнице», мы выходили на Российской телевидении в рамках объединения для детей РОСТ. Отправлялись самолетами рулоны с пленкой, не было же ни спутников, ни релейных линий, ничего этого не было. Они очень хорошо шли. Главный редактор РОСТА А. А. Меньшиков говорит мне по телефону: «Ваша группа – настоящие профи. Нам у вас нужно учиться». К настоящему времени в общей сложности сделано четыреста передач. Четыреста передач по пятнадцать минут. Смотреть эти передачи нужно несколько суток подряд без перерыва, чтобы представить, что сделано за это время. Получили «Тэффи-регион» в 2002 году за одну из передач из цикла «Мир вокруг нас». Сегодня «Орфеи» в Новосибирске есть только у ГТРК и у «Мельницы».

– Какое ребёнку Вы хотели воспитать Вашими фильмами?

Фильм – провокация, вдохновляющая ребенка на самостоятельный творческий акт, это не обязательно физика, это может быть фильм, посвященный живописи, музыке... То есть, когда мы



Эрнст Неизвестный «Орфей, играющий на струнах своей души» – статуэтка ТЭФИ

провоцируем ребенка на эксперимент, дело не в том, чтобы он научился правильно держать ножницы или правильно клеить детали, что само по себе тоже полезное дело, но самое важное – в это время он начинает фантазировать. Он вырезает самолетик из бумаги и прикидывает, как тот у него полетит. А если он согнет киль хвостового оперения немножко не так, будет самолет поворачивать или не будет? Мы подвигаем его на самостоятельный эксперимент – раз, и на самостоятельное размышление – два. Он увидел горы на Луне в телескоп и начинает думать: откуда они взялись, эти горы? Неважно, что он пока не прочёл, он сам может придумать. То, что он придумает, – это, может быть, глупость, с точки зрения профессионального ученого, но важно, что у малыша голова работает, и он думает, думает. Так постепенно и вырастает творческая личность. Когда я был молодым, я думал так: если мне дадут достаточное количество денег на производство большого количества передач, я смогу сформировать новое

поколение людей. Новое поколение, которое будет по-настоящему творческим...

– Вы многого добились – на стене в «Старой мельнице» – ряд дипломов...

– Да, дипломов очень много. Может быть, где-то полсотни международных, российских. Они у нас не все вывешены, не хватает места. Но дело в том, что я не придаю дипломам большого значения. По очень простой причине: я почти не принимаю участия в конкурсах. Во-первых, потому, что их просто нет – конкурсов, фестивалей научного кино для детей. Есть фестивали детского кино, но обычно там игровые фильмы, и туда не принимают научно-популярные. Есть такой хороший фестиваль «Россия», но там документальное кино.

Кстати, вот характерная история, касающаяся конкурсов. У нас на «Мельнице» работает Наталья Ивановна Раковская (она была еще школьницей, когда пришла сюда), так они сделали втроем мультфильм, который называется «Как соловей научился петь». Автор сценария – Вова Рудницкий, 8 лет; художник-постановщик – Наташа Раковская, 15 лет; художник-аниматор – Егор Кунсайтис, 12 лет. Вот такая компания. Когда я привез его на «Золотую рыбку» в Москву, никто не поверил, что этот фильм сделан детьми. Было сказано: «Взрослый фильм, сделанный руками детей» – дословная формулировка, и фильм ничего не получил. И это для меня была самая большая награда, потому что фильм сделали все-таки дети, а жюри решило, что это взрослый фильм.

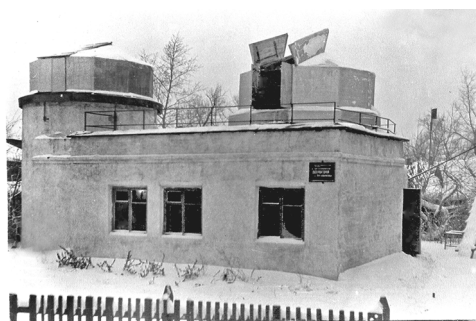
Но есть и вторая сторона дела. Сейчас фестивали на каждом перекрестке проводятся. Куда ни кинь взгляд – кругом фестивали, и все международные, потому что пригласишь человека с Украины, и вот, уже не российский, а международный статус. А если ещё приехал казах или белорус, то вообще – масштабный фестиваль. На самом деле это бывшие всесоюзные фестивали. Всё просто: режиссер снял фильм, сделал десять копий, десять дисков, разослал на разные фестивали, хоть где-нибудь что-нибудь ему и капнет. Потом он сидит, коллекционирует дипломы, призы. Мне это совершенно не интересно, я делаю фильмы для себя и для детей. И главное, любой фестиваль, любой конкурс – это прежде всего ярмарка тщеславия. Это

для двадцатилетних. Мне как-то уже неловко принимать в этом участие.

– Расскажите, как воплощалась Ваша идея детского астрофизического центра «Планетарий»?

– Об этой обсерватории я думал очень давно, с детства. Когда я был мальчишкой, самый главный человек в стране был Сталин. И я думал, что вот если бы я был Сталиным, я бы приказал построить шестиметровый телескоп; у американцев пятиметровый был, а мы бы сделали шестиметровый. Этот телескоп построили, но уже без Сталина, при Хрущеве. А в 1962 году я познакомился случайно на станции юных техников со Станиславом Сергеевичем Воиновым, совершенно гениальным педагогом, ему сейчас 76 лет. На Областной станции юных техников у него была махонькая коморка, три-четыре квадратных метра, буквально шкаф, которую ему дали для занятий. И мы сидели с ним и мечтали: хорошо бы построить обсерваторию. Сказано – сделано. Я быстро сделал несложный проект, а он договорился с директором областной станции юных техников очень решительным человеком И. Ф. Рыжковым, который нашел для этого деньги. Вот так мы построили обсерваторию. Первую, кстати, при советской власти детскую астрономическую обсерваторию на улице Нарымской. Когда здесь строили жилмассив, ее снесли, к сожалению. В 1969 году Александр Сергеевич Чернобровцев, известный наш скульптор и художник-монументалист, предлагал построить в городе Дом Занимательной Науки и попросил меня написать концепцию зала средств массовой информации. Я работал на телевидении и поэтому согласился. «Но какой же Дом Занимательной Науки без обсерватории, без планетария?» – сказал я. С этим согласились, но тогда не нашли денег. В 1989 году я пытался построить планетарий при реконструкции бывшего дворца пионеров. И снова не вышло из-за денег. И тогда я построил на собственные средства обсерваторию за городом, где дети клуба Максутова (городского детского клуба телескопостроения, который я организовал в 1975 году и которым руководил 19 лет) проводили каникулярное время каждый год.

В сентябре 2006 года я возвращался с Сибирского астрономического форума, который много лет организует Новосибирский приборостроительный за-



*Детская обсерватория
на Нарымской (1963 г.)*



*Л. Сикорук. Первоначальный эскиз
планетария (2006 г.)*

вод, с форума, на котором глухо звучала идея «надо бы построить в Новосибирске любительскую обсерваторию». Я ехал с моим бывшим учеником Антоном Савельевым. И вот совершенно неожиданно для самого себя я сказал вслух: «Надо строить не обсерваторию, это мелко, и городу не интересно. Надо строить целый комплекс: обсерватория, астрономическая площадка, планетарий!» Антон иронично усмехнулся – он знал, что уже несколько раз я пытался это сделать. Тем не менее на планерке в Управлении образования я заявил об этой идее и даже показал эскизы проекта, но получил нормальный для наших чиновников ответ: «Да мы с этим вашим проектом только насмешим мэра». Как видите, насмешить мэра не получилось, мэр отнесся к этой идее очень серьезно. Отчасти, наверное, потому, что он получил от меня не «голую» идею, а подробную концепцию с эскизом внешне-вида планетария и обсерватории.

Если вы посмотрите на этот эскиз и сравните его с реально построенным планетарием, то увидите, что в основе здания лежит моя идея объемно-планировочного решения комплекса. Это благодаря главному архитектору проекта И. В. Поповскому, который, как хороший профессионал, в отличие от многих проникся этой идеей. Конечно, он внес много своего, удалив из моего варианта второстепенные детали – все-таки опытный мастер! Но и мне приятно, архитектурная идея сохранена. Здесь, видимо, сказалось мое первое неоконченное высшее образование. Я хорошо усвоил главное в архитектурной эстетике «Прекрасное – целесообразно». У меня же всё строилось именно на целесообразности композиции, определявшейся технологией астрономических наблюдений. Во многом это

холодные галереи, соединяющие главное здание с астрономическими башнями, ну, конечно, не последнюю роль сыграла композиция из трёх куполов. Наконец, выбор площадки на Ключ-Камышенском плато, против которого возражало большинство членов рабочей группы. Но я настоял на своем, и, к счастью, мэр с этим решением согласился. Теперь архитектурная «хитрость» не только в самом удобном в Новосибирске месте для астрономических наблюдений, не только в том, что именно здесь с выделением участка практически не было больших проблем, но и в замечательной панораме, которая открывается при въезде в Новосибирск с южной стороны, и с великолепной панорамой, которая открывается с астрономической площадки перед планетарием. Люди, возражавшие против такого решения, теперь с гордостью показывают гостям преимущество ландшафта окружающего планетарий.

– Много было возражений в других вопросах?

– Много, очень много! Особенно тяжелой была борьба за оборудование звездного зала, за тип планетария – традиционная звездная машина, на чем настаивали мои оппоненты, или цифровой планетарий бельгийской компании BARCO, который превращал звездный зал в необычный кинотеатр, на чем настаивал я. Мои оппоненты пошли даже на подлог. Они рассказали на одном из заседаний рабочей группы, что директор Донецкого планетария г-жа Филиппова в телефонном разговоре сказала: «Что угодно, только не Барко!». По моей просьбе г-жа Филиппова ответила письмом на бланке и с печатью Донецкого планетария, что она в восторге от оборудования BARCO. Но

на этом мои «доброжелатели» не остановились. Передавая свои «Рекомендации» куратору проекта от мэрии, они «по секрету!» сообщили ему, что я – Л. Сикорук – беру «откаты» от компании Барко. Большой глупости и подлости в мой адрес уже невозможно придумать. Но, похоже, что нашлись люди, которые поверили в эту чушь. Я думаю, что отсюда все сложности в отношениях между планетарием и мной. Меня, инициатора и научного руководителя всего проекта отстранили от работы в планетарии, даже не попытавшись объяснить причины этого. Страдает дело, в том числе и детский познавательный ТВ-канал. Ситуация нелепая! Нет ничего удивительного, что человек, пустивший эту сплетню, введен в «Ученый совет» планетария. В свое время мои оппоненты подписали «Рекомендацию» на имя мэра с пометкой «оборудование Барко «Наименее предпочтительно», не очень по-русски, но ясно, что хотели сказать. Теперь же они рассказывают журналистам, что наш планетарий оснащен самым совершенным в мире оборудованием. Я хорошо понимаю, в любом серьезном деле у человека обязательно появляется множество «доброжелателей». Помните у А. Райкина: «Есть люди, которым очень плохо, когда другому хорошо». Я к этому отношусь без удивления, стараясь вычеркнуть из своей памяти людей, которым «очень плохо». В моей жизни было много понастоящему красивых людей. Вот они стоят того, чтобы хранить их в своей памяти. А недоброжелатели – Бог с ними!

– Леонид Леонидович, если оглянуться назад, подвести как бы предварительные итоги... Чем Вы довольны больше всего из того, чего добились в Вашей многообразной и плодотворной жизни и что ещё хотели бы успеть?

– Конечно, как всякому человеку, мне дорого всё, я не знаю, что в первую, что во вторую очередь. Конечно, «Физика для малышей» и детское телевидение для Новосибирска – это раз, серийное производство телескопов на НПЗ и несколько познавательных книг для детей и молодежи – это два. Планетарий и Дом Занимательной Науки, которым я занимаюсь сейчас с И. А. Куриловой, начальником управления об-

разования кировской администрации – это три. Это всё очень серьезные для меня вещи. Вот эти три дела меня особенно греют. Чего бы я ещё хотел? Хотел бы написать книгу, которая называется «Проектирование общедоступных обсерваторий и планетариев», используя наш опыт, и чужой, используя материалы американские, европейские. Это капитальная серьезная книга, с ней долго ковыряться надо. Ещё я хотел бы проломить бетонные стены равнодушия, чтобы у «Мельницы» началась нормальная жизнь. Она давно выросла из коротких штанишек и заслуживает лучшей доли. Вспомним о ее огромной заслуге перед Новосибирском – сохранение детям города их собственного телевидения. Нам тесно в крошечном павильоне. Нам нужно новое, современное оборудование, современные камеры. Я бы не хотел снимать фильмы, которые сегодня посмотрят, а завтра забудут потому, что их техническое качество оставляет желать лучшего. Например, в Португалии заинтересовались нашей серией «Мир вокруг нас», их там всё устраивает, кроме одного, что это снято устаревшей техникой *Betacam*. Более того, у меня сейчас лежит пара сценариев для полнометражных фильмов. Один из них называется «Легенда о звёздном небе». Вы знаете красивые древние мифы про Персея, Андромеду, Медузу... Это сценарий, где ряд созвездий объединяются в одну общую легенду. И технически это сделать можно довольно легко. Но вот прошло два года, а я ничего так и не снял. Есть хорошая идея снять этот фильм в системе «Панорама», когда снятое тремя камерами сливается в один огромный видеофайл и потом демонстрируется на куполе планетария.

Сейчас совет депутатов города (председатель Н.Н. Болтенко) выделил 200 тысяч рублей на производство передач. «Мы заинтересованы в ваших передачах», – сказала Надежда Николаевна. Председатель городского совета заинтересована, начальник департамента информатизации и связи заинтересован, Президент страны заинтересован в телепередачах для детей. Так дайте все это воплотить в жизнь!

Планов, как всегда, ещё много, Дай Бог их реализовать.

С Л. Л. Сикорук беседовал Виктор Степанов.